

ГЛАВА I

— Эмма! Эм-ма! Эмма-Эмма-Эмма, скорее на осмотр! Я уже все, благословен будь Источник. Доктор — душка! Магсестра, правда, гримза, — в комнату влетел ворох голубых кружев и оборок, в центре которого при желании можно было обнаружить мою сестру. — Ты же помнишь, что у нас на сегодня большие планы?

Помню, конечно, как не помнить. С тех пор как стало известно о приезде очередной комиссии, у Лиззи все разговоры только о том, что в этот день не будет занятий и мы, наконец, улизнем из школы. И планы у нас грандиозные. Сначала пикник на берегу озера. Обаятельная Лиз уже выпросила у сердобольных кухарок сэндвичи для «голодных девочек». В качестве одной из них Лиз, недолго думая, предъявила меня: и худая, и бледна, и глазки в пол, и трепет ресниц, и горестный вздох, давно отрететированный. Составить нам компанию для завтрака на природе решили еще две одноклассницы, но у Джейн вечером поднялась температура, а Тереза без подружки струсила. После пикника мы хотим искупаться, а затем пробраться в сад барона Степлтона: его усадьба,

расположенная по соседству со школой, давно заброшена, но яблоки и сливы в саду на диво вкусные. А в самом конце весны, вот как сейчас, весь сад утопает в ароматной нежно-розовой пене яблоневого цвета, и гулять там — одно удовольствие.

— Эм-ма, очнись, — цепкие пальцы Лиз легко встряхнули меня за плечо.

— Слышу, помню, готова.

Я поднялась из кресла.

— Сэндвичи уже в сумке, смена белья там же, — заговорщицким тоном прошептала ей на ухо. — Только как ты собралась протиснуться через дыру в заборе в этом воздушном... Хм... Торт?

Я показала на платье сестры.

— Сходи переоденься.

— Во что-нибудь скучное, — продолжила та. — Нет уж, может, я всю ночь мечтала, как буду гулять по цветущему саду в этом платье.

— Или торчать посреди забора.

— ... но обязательно в нем, — не сдавалась сестра.

— Хорошо-хорошо, я поняла: вытряхнуть тебя из платья невозможно.

Человек, плохо знающий Лиззи, мог бы заподозрить ее в том, что она недалекая, легкомысленная и неосмотрительная. Но я знаю ее с рождения и понимаю, что, во-первых, подобного рода капризы Лиз позволяет себе, когда речь идет о чем-то маловажном. А во-вторых, раз упрямится, значит, на это есть причины.

— Так-то, Эм. Как по-твоему, что подумали бы мэтрисс Шульц и эта зануда Вилма, если бы в первый же свой свободный день я вырядилась в дорожное платье?

— Что ты что-то затеваешь, — пришлось признать мне.

— По-моему, кузины Барнет и Дженкинс опять что-то затевают! — раздалось так неожиданно, что я вздрогнула. — Все время шепчутся, это не к добру.

Ну вот, стоит вспомнить зануду Вилму, она тут как тут, выскочила, словно демон из коробочки.

— Вилма, ты нас раскусила, — не стала юлить Лиз. — Как раз сейчас я пытаюсь подговорить Эмму...

Сестра перешла на заговорщицкий шепот и поманила чересчур догадливую одноклассницу пальчиком.

— Позаимствовать у милого доктора несколько пакетиков с желудочными порошками. Подсыпем их мэтрисс Глогг на следующей неделе, может, получится избежать опроса по рионскому.

— Я не в восторге от этой затеи, — не слишком убедительно пробормотала я.

— Хм, ну да, ну да, — многозначительно потянула мисси Заноза и неторопливо поплыла к своим приятельницам, поглядывая в нашу сторону.

— По-моему, не поверила.

— Зато запомнила. Пусть считает, что мы заняты чем угодно, но здесь, в школе, — проговорила Лиз, посылая улыбку Вилме. — Ну где же мэтрисс Шульц?

Последняя словно только и ждала вводной реплики. Тотчас же дверь открылась, причем открыли ее очень уверенно и авторитетно (мэтрисс Шульц все делала уверенно и авторитетно, даже очки она поправляла так царственно, что хотелось сделать книксен). Тихий шорох: это все ученицы в зале обернулись на звук. И мэтрисс Шульц показалась на пороге — незыблемая, как многотомная энциклопедия

по истории родного государства, — дисциплины, которую мэтрисс Шульц изволила нам преподавать.

— Мисси Дженкинс, Диккенс, Донован, Дрискол и Загорски, будьте добры проследовать за мной на осмотр.

Понадобилась пара мгновений, чтобы стряхнуть с себя оцепенение, вызванное внушительным голосом нашей наставницы, и еще пара, чтобы осознать: прозвучало и мое имя. Немного суеты, и вот уже мы впятером спешим по коридорам школы за мэтрисс Шульц, как утята за мамой уткой.

Пока мы шли в лечебницу в западное крыло школы, я успела наметить план действий: быстро пройти осмотр (как хорошо, что наши с Лиз фамилии в начале списка, нам не надо ждать), забрать сумки, отправиться на прогулку по школьному саду, найти заветную дыру в заборе, скрытую дощечкой, — мы все руки занозили, пока прилаживали ее обратно...

— Мисси Дженкинс, прошу вас.

Передо мной распахнулась дверь медицинского кабинета. Я первая в списке из нашей пятерки, мне и заходить...

В кабинете кроме доктора Алистера, благообразного старичка, похожего на Снежного Деда и наружностью, и добродушным характером, расположилась магсестра. «Грымза», как говорит Лиз. Ну что ж, похоже: желчное худое лицо с уже наметившимися морщинами, слишком внимательные, глубоко посаженные глазки, черные волосы, скрученные в тугий узел, серая форма Магконтроля.

— Мисси Эмма Дженкинс, стало быть. Проходите за ширму, голубушка, готовьтесь к осмотру, — го-

лос дока, чуть насмешливый, успокоил меня. Не на меня одну он так действует, у нас даже уколов никто из девочек не боится.

Осмотр проходил как обычно: доктор Алистер пощупал пульс («немного слабоват, голубушка, и щеки бледноваты, вам надо лучше питаться и больше гулять на свежем воздухе»), прослушал легкие и остался доволен, осмотрел язык и горло и одобрительно хмыкнул, задал стандартные вопросы о самочувствии. Потом настал черед магсестры.

Я легла на кушетку. Грымза подошла с постным лицом, жестко надавила прохладными тонкими пальцами одной руки на солнечное сплетение, а пальцем другой ткнула меня в лоб чуть выше переносицы. Сейчас она скучающим голосом скажет «нулевой уровень», и я смогу одеться и пойти к Лиз. Вместо этого магсестра продолжала давить пальцами все сильнее. Я уже хотела попросить мистресс Грымзу быть поаккуратнее, но внезапно уловила в склоненном надо мной лице какое-то беспокойство.

— Полтора урвня, — наконец произнесла магсестра. — Направление и ось дара не определяется.

Что? Я не ослышалась? Это невозможно! У меня же нет...

— Можете одеваться.

— Нет никакого дара. Это ошибка.

— Мисси Дженкинс! Одевайтесь. Попрошу вас не отлучаться надолго. Вас вызовут для беседы, когда осмотрят остальных.

Одевалась я машинально и заторможенно. Пальцы то и дело путались, застегивая мелкие пуговицы, а в голове мелькали обрывки фраз и мыслей.

«Надо быстрее идти к Лиззи. Пикник. Сад. Полтора уровня. Как? “ Попрошу не отлучаться надолго. Ось дара не определяется”. Бред, бред. Какой же бред».

Обратной дороги я не заметила. Зато увидела, как изменилось выражение лица Лиззи. От радостно-нетерпеливого «Ну наконец-то!» до встревоженно-серьезного «Эмма, что случилось?». Казалось, Лиз мгновенно повзрослела: вместо розовощекого ребенка я увидела перед собой заботливую матушку.

В том, что я не разревелась позорным образом, заслуга одной Лиз. Она усадила меня в самое дальнее кресло и так строго цыкнула на любопытных девчонок, что никто не посмел подойти ко мне с расспросами, пока я рассказывала ей обо всем.

— Не хочу никуда уезжать, — закончила я.

— Эмма, подожди паниковать, — сейчас сестра уже походила на па: то же деловитое выражение лица, те же сложенные на груди руки. Па точно таким же тоном вел сделки и так же старался отбросить эмоции, когда речь шла о важном. — Возможно, ничего ужасного и не случилось.

«Не случилось». На самом деле для тревоги были все основания. Это только в старинных романах благородные юноши и прекрасные девы, обнаружив у себя внезапно проснувшийся дар, становились великими магами, свободно совершали чудеса, жили долго и счастливо и в финале уезжали в закат на прекрасном единороге. В реальности же ничего хорошего такие новости не предвещали. Любого мало-мальски одаренного магической силой человека сразу ставили на учет в отделе Магического Контроля. За сокрытие

таких способностей приговаривали к выжиганию дара или даже к смертной казни.

Дар чаще всего проявлялся в юном возрасте, и служащие Магконтроля раз в год вызывали на обязательную медкомиссию школьников и воспитанников интернатов и приютов. Очень удобно: и здоровье можно проверить, и новые дарования зафиксировать. И уж если выявлен у ученика дар, то тут два варианта: если он совсем мал (меньше двух единиц), то ученика не трогают, только осмотры он должен проходить чаще, чтобы все видели: уровень не растет. Но если дар значительный, то его обладателя переводят в особое заведение — школу-распределитель Магресурса, где развивают и исследуют возможности дарования и решают, что с ним делать.

Более способных и сильных направляют в академии и университеты, а потом на службу на благо государства. Отказ не принимается, понятное дело. Тех, кто послабее, отпускают на вольные хлеба, взяв согласие содействовать государству с помощью своего дара, если возникнет необходимость. А среди простых людей ходили страшные истории о том, как из распределителя неизвестно куда пропадают юные маги, которым не посчастливилось привлечь к себе особое внимание Магконтроля. И о том, что дети возвращаются из этих распределителей сами на себя не похожими. Неудивительно, что в эту школу не рвется никто, кроме сирот и бедняков, для которых это шанс выбиться в люди. А вот если есть достаток и планы на жизнь, внезапное открытие способностей только мешает. У меня есть и первое, и второе.

— Слушай, — Лиз снова спасла меня от моих мрачных мыслей, — если твой дар уже стабилен и не будет больше расти, ты только в плюсе. Ну будешь пару раз в год комиссию проходить, невелика печаль. Зато какие возможности открываются! Знать бы еще, какая именно у тебя способность. Ты ее совсем не чувствуешь?

— Совсем, — я покачала головой.

— Вот бы целительство или эмпатия... Иллюзии тоже неплохо, тут есть где развернуться. Как бы проверить?

— Джейн еще болеет, — вдруг пришло мне в голову. — Можно ее навестить.

— Отлично! — Лиззи с готовностью вскочила с кресла, словно игрушка на пружинке.

Снова идти в лечебницу совсем не хотелось. Но любопытство не давало сидеть на месте, да и делать пока было нечего. По пути мы успели шепнуть Терезе, что идем навестить Джейн, чтобы остальные знали, где нас искать.

В лечебнице нас встретила мэм Чейни — дежурная медсестра, похожая на строгую, но добросердечную бабушку.

— Подружке вашей уже получше. Еще денек-другой полежит и вернется к вам, — рассказала она, провожая нас к кровати Джейн. Та полулежала на подушках и читала книгу.

— Лиззи? Эмма? — удивилась она и, убедившись, что медсестра прикрыла за собой дверь, прошептала: — Я думала, вы уже на пикнике.

— Тут такое дело, — присаживаясь на стул рядом с кроватью, начала Лиззи, — пикник отменяется. У нас новости поважнее. У Эммы открылся дар.

Только пока не ясно, пока не ясно. Даже ось нельзя определить.

— Вы меня не разыгрываете? — Джейн смотрела во все глаза.

— Точно говорю.

— Эмма?

Я кивнула.

— И мы тут подумали... может, Эмма попробует тебя исцелить?

— Ну-у, — неуверенно протянула подруга, — а если у Эммы магия смерти?

— Она тихонечко.

— Ладно, — отложила книгу Джейн, — пробуй, но на следующую вылазку вы берете меня с собой.

Она смиренно вытянулась в кровати и прошептала «готова». Я подошла к Джейн и повторила действия нашего семейного целителя в Эрквуде: возложила левую руку на лоб, а правую на сердце и представила, как из моих рук течет целительная сила.

— Апчи! Апчи!

От неожиданности я отпрянула.

Вдребезги разбилась опрокинутая мною чашка.

— М-да, — хмыкнула Лиззи и принялась деловито собирать осколки. А я расспрашивала свою подопытную:

— Как ты? Чувствуешь что-нибудь?

— Нет, ничего. Даже не вспотела, — развела руками Джейн. — Эмма, а ты сама ощущаешь в себе изменения? Может, ты вдруг полюбила растения, начала ухаживать за ними или возиться с животными?

Я отрицательно покачала головой.

— Тогда ты точно не маг жизни. И не огневик: ты не буйная совсем.

— Давайте рассуждать логически, — присоединилась к нам Лиззи, — кто еще остался? Эмпаты умеют всем нравиться, — тут я поймала на себе два критических взгляда, — маги земли питают слабость к металлам и камням и копят все, что считают полезным, — мне сразу вспомнилась весенняя уборка, когда я хотела избавиться от львиной доли ненужных вещей, и сестра, снова рассовывающая «такие красивые платица» по шкафам. — Огневики вспыльчивы. Воздушники легкомысленны и не любят сидеть на месте. Водники?

— Водники чувственны и меланхоличны, — жеманно изрекла Джейн, прижав к груди дамский роман, который вытащила из-под подушки.

— Ну, не знаю, как насчет чувственности, — заметила я, — но мист Ворт, владелец рыбных лавок в Брэдфорде, водник. И он вполне бодр и весел.

— А еще лыс, толст, невысок, и у него такие премиленькие рыжие усы щеточками. Можешь представлять его, когда читаешь свою книжку.

— Фу, — надулась было Джейн, но не удержалась и захохотала вместе с нами.

— В общем, Эмма, я думаю, ты или маг воздуха, или воды, или...

— Менталист, — закончила Лиз. — Про этих вообще ничего нельзя сказать наверняка.

Мы болтали, пока в коридоре не раздались тяжелые шаги. Дверь открылась, явив нам мэтрисс Шульц во всем ее великолепии.

— Девочки, — едва заметный кивок то ли в качестве приветствия, то ли в подтверждение своих догадок, — мисси Дженкинс, вас ждут в кабинете доктора Алистера.

Мне оставалось только встать и проследовать за нашей директрисой навстречу своему туманному будущему.

Ночь выдалась пленительной и идеально романтической. Во всяком случае, в романах, которые давала мне почитать Джейн, что-то такое упоминалось: «Воздух замер, окутывая теплой прозрачной вуалью». И аромат сирени тоже «пронизывал» и «окутывал». И соловьиные трели тоже присутствовали. И все это ужасно мешало спать. Я вертелась с боку на бок, то скидывала одеяло, то натягивала его по самые уши. Из головы не шли события прошедшего дня. Я снова оказалась в кабинете доктора Алистера, снова сидела на жесткой кушетке, док смотрел на меня с едва заметным беспокойством, а магестра неспешно пролистывала мою карту. Снова я слышала жалобный скрип кресла после того, как мэтрисс Шульц царственно расположилась в нем, предварительно закрыв дверь кабинета.

— Итак, мисси Дженкинс, думаю, вы уже поняли, что у вас открылся дар, — начала Грымза. Дождавшись моего кивка, она продолжила. — Пока мы не знаем его направления, но можем зафиксировать его уровень — полторы единицы. Нужно понять, что его спровоцировало. Подумайте и расскажите, какие изменения произошли с вами за этот год, физические и эмоциональные: болезни, потрясения, несчастные случаи?

И она принялась сверлить меня взглядом.

Потрясение в моей жизни было, но давнее и всего одно: гибель родителей. А этот год спокойный и счастливый. Травм и болезней, кроме легкой простуды зимой, не могла припомнить, а вот с физическими изменениями... Я покраснела и пробормотала:

— У меня начался женский цикл...

Однако ответ, как ни странно, вполне устроил магсестру.

— Да, это могло спровоцировать процесс, — кивнула она, немного подумав. — Какие-нибудь изменения в привычках, увлечениях, характере?

Глаза-колючки снова впились в меня.

— Нет.

— Мэтрисс? — теперь вопрос относился к директорисе.

— Нет, Эдна. Ты знаешь, как серьезно я отношусь к своей работе, — внушительный голос мэтрисс Шульц, казалось, заполнял пространство кабинета. — Я бы сразу увидела, если бы что-то было не так. Я же не упустила тебя в свое время. У Эммы нет никаких внешних признаков. Это я могу гарантировать. Она все так же старательна, вдумчива, спокойна, озорничает не больше, чем положено девице в ее возрасте. Тем удивительнее наличие у нее дара. Какой, говоришь, у нее уровень?

Грымза Эдна быстрыми шагами подошла ко мне, требовательно надавила пальцами на те же точки — солнечное сплетение и лоб чуть выше переносицы.

— Четкое расширение ауры до одной с половиной единицы. Но ни направление, ни ось установить невозможно, — произнесла она, изучая мой

лоб. — Очень нехарактерная картина. Я собираюсь рекомендовать ее для перевода в Распределитель.

Кажется, на моем лице отразился ужас, потому что директриса наклонилась ко мне и ободряюще похлопала по руке.

— Мистресс Глостер, голубушка, так ли это необходимо? — включился молчавший до этого доктор Алистер.

Магестра поджала губы.

— Действительно, Эдна, — поддержала дока мэтрисс Шульц, — для девочки это такой стресс, дар неясен, уровень пока не так критичен. Я могу наблюдать за ней и при первых тревожных признаках сразу сообщу в Контроль. Эдна, я прошу.

Только мэтрисс Шульц могла упрашивать об одолжении с таким достоинством.

— Ну хорошо, — наконец процедила сквозь зубы Грымза. — Пока я оставляю мисси Дженкинс в школе под вашу ответственность. Но через три месяца она будет обязана пройти полный осмотр. Если уровень увеличится, то она немедленно будет переведена в распределитель.

Я выдохнула. Оказывается, все это время я почти не дышала. Три месяца... Даже в худшем случае у меня есть отсрочка, а там, глядишь, и дар расти не будет, я закончу школу с Лиззи, мы будем помогать па в его деле...

— Эмма, ты можешь быть свободна, — ворвался в мои мысли голос директрисы. — Да, не пиши пока мастеру и мэм Барнет, я сама поставлю их в известность.

— Да, мэтрисс, до свидания, доктор, мистресс, — я пулей вылетела из кабинета, спеша поделиться

Елена Добрынина

новостями с Лиззи. Остаток дня прошел в приятных повседневных делах. И спать я легла с легким сердцем. Но вот заснуть не смогла. И теперь ворочалась, пряча голову под подушку от соловьиного пения. И только когда начала вспоминать прочитанный параграф из учебника истории, сон все-таки пришел.

Это мой любимый сон. Мне лет двенадцать, и я играю со своими друзьями-мальчишками. Сегодня мы стреляем из луков, а потом скачем на лошадях наперегонки. Ощущение полета, бесшабашного веселья, приятной усталости и радость от того, что рядом друзья — те, кому можно доверять. Я пеняю парням на то, что они поддавались, не пуская лошадей в полный галоп, а ведь я уже могу быстрее. Они хохочут, отнекиваясь, призывают в свидетели Источник, но пальцы за спиной держат в отвращающем знаке. Я люблю эти сны, они такие живые и намного лучше книг о приключениях, которые я читаю. Ма говорит, что мне не хватает приключений в обычной жизни, и мое подсознание посылает такие сны. Наверное, она права. Но это к лучшему: пусть такие авантюры мне только снятся. Так безопаснее: я всегда могу проснуться. Жаль только, я не знаю, как зовут друзей из моего сна...

ГЛАВА 2

«*М*елисса бросилась было к выходу, но грозная тень прислужника замаячила в дверном проеме. Она в ловушке! Что же делать? Неужели все пропало и все старания были тщетны? Она попробовала призвать силу ветра, но магия в этом проклятом месте не действовала».

— Эмма! Эмма-Эмма! — раздался снизу голос Лиз. — А, вот ты где! Как ты туда забралась-то? А, вижу. Я к тебе.

Эх, а я так хотела поскорее узнать, как спасется Мелисса. Но книгу пришлось отложить.

Через пару минут Лиз, пыхтя, забралась ко мне на дерево, на соседнюю ветку. Да, я прекрасно устроилась на одной из яблонь в заброшенном имении по соседству и наслаждалась погодой, ароматом цветов, книгой и тишиной. Улизнула я сюда после завтрака: выходной, и мы предоставлены сами себе.

— Как же хорошо! — Лиззи пригнула к себе веточку и вдохнула упоительный аромат. — Совсем скоро лето, жизнь прекрасна! Надо только сдать эти демоновы экзамены. Что читаешь? Опять эти сказки? Ну, это лучше романов, которыми увлекается Джейн.

Я заглянула как-то в один из них: «я плавилась в его объятиях, тонула в его глубоких синих очах». Кошмар. Лучше уж еще раз перечитать папины «Основы ведения хозяйства». А у тебя про что?

— Приключения. Главная героиня сейчас в ловушке, магия не работает!

— Могу поспорить, ее спасет герой! И героиня тоже будет тонуть и плавиться и в конце обязательно выйдет замуж...

Пророчества Лиз прервал удивленный присвист. Только сейчас мы заметили двух мужчин, которые шли по дорожке напрямиком к нашему дереву.

— О, Степлтон, смотри! В твоём саду, кажется, поселились дриады. Доброе утро, дивные создания!

Конечно, нас застали врасплох, но уловить главное мы сумели и синхронно ахнули:

— Степлтон?

— Да, мисси, разрешите представить моего дорогого друга миста Джона Степлтона. Двоюродный дядюшка, мир его праху, оставил ему в наследство имение, где мы и имеем счастье вас лицезреть.

Я не увидела того, кто это сказал: его скрывала ветка яблони, и с моего места я могла рассмотреть только запыленные дорожные сапоги. А вот сам «дорогой друг» был виден прекрасно: невысокий упитанный брюнет с круглым добродушным лицом. Он казался смущенным — то ли такой фамильярной рекомендацией, то ли тем, что встретил в своем имении незаконно пробравшихся туда девиц.

Ну что ж, придется извиниться за вторжение, слезть с дерева, стараясь не терять при этом достоинства, что не так просто, когда за вами наблюда-

ют, и гордо удалиться, желательно не через дыру в заборе.

— Очень приятно, мист Степлтон, — Лиз права: вежливость прежде всего.

— Мист Эверт Диксон, мисси, к вашим услугам.

Вот это да! Оба маги. Мне захотелось рассмотреть того, кто представился, Диксона. Я наклонилась, чтобы ветка не мешала. И сделала это абсолютно зря: лучше бы так и сидела, опустив глаза, как монашка. Но что сделано, то сделано: я его рассмотрела. Хуже того, я сразу узнала эту нахальную, самодовольную физиономию.

Дело было на ярмарке в честь Начала Года, который мы празднуем в конце зимы, в то самое время, когда еще холодно, но воздух уже пахнет весной, и солнце целует щеки тепло и дружелюбно. В каждом доме целую неделю продолжают гулянья, пекутся масляные пышки-солнышки, призывающие весну. Лиззи в этом году не повезло, накануне праздника она заболела ангиной и лежала дома. А я вместе с нашими соседями, мастером и мисси Хиггис и их двадцатилетней дочерью Аннабель, поехала на ярмарку в Брэдфорд: это крупный город, и он недалеко от нашего Эрквуда. Разумеется, я обещала привезти сестре гостинцев.

Стояла чудесная погода. Солнце грело уже почти по-весеннему и само походило на большую лакомую

пышку. Веселье было в разгаре. Карусели, шатры с лакомствами и сувенирами, игры, шуточные соревнования! Но царицей ярмарки была, конечно же, ледяная гора: она возвышалась над городом. Маги-водники постарались на славу. Их творение поражало и размерами, и орнаментом: гора, покрытая по бортам тонкими и затейливыми снежными узорами, сверкала и переливалась. Хохот, визг, пестрый поток взрослых и детей, летящих с горы, — как же мне хотелось оказаться там, с ними!

Мастер Хиггис проголодался и решил остаться вместе с супругой в ресторане на открытом воздухе, тем более что там уже обедала компания старых друзей семьи. А нас с Аннабель отправили «повеселиться». Оказалось, это сложно: Аннабель явно искала в толпе кого-то. Очень быстро стало понятно, что этот кто-то — долговязый молодой мужчина со смешными усами. У обоих были такие воодушевленные лица, что сомнений не осталось: я здесь лишняя. Слушать воркования влюбленной парочки не было ни малейшего желания. Мы договорились встретиться у лавки с жареными каштанами через час. Куда направилась радостная парочка, я выяснять не стала, зато точно поняла, куда хочу сама: сначала кататься с ледяной горы, а потом пройтись по рядам, купить пышек с вареньем, карамельных яблок и гостинцев для сестры. Глазая по сторонам, я поднималась на гору по синей узорной лестнице. Меня обгоняли мальчишки в лихо заломленных шапках и румяные девочки-гимназистки в одинаковых темных пальтишках. Здесь были все: и влюбленные парочки, и отцы семейств с детишками, и даже почтенные матроны

с воспитанниками. Почти на самом верху расположилась шумная компания студентов Магакадемии. Их было легко узнать по взмывающим в воздух огням маленьких фейерверков, снежным вихрям, летающим с ладоней, крошечным смерчам, а еще по хохоту парней, разгоряченных пуншем, и залиvistому смеху девушек. От шуточек, которые до меня донеслись, запылали уши.

Я прошествовала мимо и подошла к лавке, которая примостилась почти на самом верху: здесь выдавали ледянки — подушки для катания с горы, круглые, как плюшки, и покрытые снизу магическим льдом. Не успела я с ледянкой подойти к краю, как меня опередили те самые шумные студенты, обдав ароматамипряного пунша, конфет и цветочных духов. С удивлением я смотрела, как они наколдовали ледянки из воздуха и снега, и парень с девушкой — видимо, водники — быстро их заморозили. Затем маги с улюлюканьем попрыгали в них и, хохоча и сталкиваясь бортами, помчались вниз. А вот после них уже поехала я. И поняла, что такое настоящее волшебство: свист в ушах, свежая ледяная крошка в воздухе, морозный ветер в лицо, ярмарочные огни, которые слились в поток цвета и света, отражаясь в зеркале льда. Когда ледянка остановилась, я еще секунду сидела неподвижно, стараясь продлить эти мгновения абсолютного восторга. А затем встала, чтобы подняться на гору снова.

И меня что-то сбило с ног и отбросило в сугроб. Пока я летела, успела услышать раскатистое «зарр-раза», а дальше снег залепил уши и глаза, и реальность на время исчезла. Не сразу я осознала, что

могу шевелить ногами и руками, нога ноет — видимо, я ушиблась — и что мне холодно. А потом с ужасом поняла, что застряла в сугробе на центральной площади города в самый разгар праздничных гуляний, моя зимняя бархатная юбка задралась, и отдыхающий люд любит меня моими рейтузами. В панике я бестолково задергалась, задела кого-то ногой и начала барахтаться еще отчаяннее. А затем чьи-то руки ухватили меня за талию и выдернули из сугроба, как морковку из земли на грядке.

«... Эту вольность. Но не тащить же вас за ногу», — это были первые слова, что я услышала. Мне придали вертикальное положение и поставили на землю. Передо мной стоял студент, маг (это отметила первым делом, взгляд уперся в пуговицу форменной шинели), выше меня примерно на голову. Я задрала подбородок, чтобы рассмотреть его лицо. И что я увидела? Этот тип, прости Источник, едва сдерживал смех! Нет, голубые глаза его смотрели вполне участливо, но уголки губ то и дело подрагивали.

— Голова не кружится, лекарь не нужен? — как-то уж совсем по-свойски спросил он.

— От вас мне не нужна никакая помощь! — заявила я, гордо потряхнув головой.

Незнакомец насмешливо приподнял бровь, чем разозлил еще больше. Я попыталась шагнуть в сторону. Оказалось, это сложно сделать, если твоя рука судорожно сжимает рукав того, от кого хочешь отшатнуться. Еще сложнее оказалось сохранить презрительное выражение лица, когда опять теряешь равновесие и утыкаешься носом в грудь своего визави, чтоб демоны ему пятки щекотали!

— Не то чтобы я не пользовался успехом у дам, — кажется, он еще и доволен, — но юная мисси впервые падает в мои объятия через минуту после знакомства.

— Я жду ваших извинений, — я постаралась произнести это ледяным тоном, но голос предательски сорвался и прозвучал жалобно.

— А разве их недостаточно? — удивился студент.

— Нет, — уточнять, что не разобрала его слов, потому что в сугробе скверная акустика, я не стала.

— Ну что же. Приношу свои извинения за то, что оказался таким сногшибательным, и вам не удалось передо мной устоять!

— Что? Да вы издеваетесь! Самовлюбленный болван! — Мои пальцы сжались, из глаз брызнули злые слезы. — Идите кривляйтесь перед своими, — я махнула рукой в сторону оживленной компании студентов, — они оценят.

Я резко повернулась и пошла прочь, но успела услышать, как тип пробормотал себе под нос: «В отличие от вас!»

— А воробушек-то с характером! — донеслось откуда-то сбоку, со стороны зевак, которые следили за происшествием, попивая пунш.

— Мисси, я не хотел вас обидеть, только подразнить слегка, прошу простить, — виновник моего позора в два счета догнал меня и загородил дорогу. Теперь в его голосе не слышалось насмешки: — Могу я загладить свою вину?

В глазах и в самом его тоне не было ни прежней фамильярности, ни насмешки. Но облегчения это почему-то не принесло. Скорее, наоборот.

— Можете, — все мои силы уходили на то, чтобы держаться холодно и гордо, — оставьте меня в покое. Не имею желаний вас видеть.

— Ну что ж, — он обозначил легкий поклон, — тогда обещаю не досаждать вам своим присутствием, пока вы сами об этом не попросите.

Вот и поговори с таким... Досада не исчезала. К тому же я вдруг поняла, как неряшливо выгляжу: верхние пуговицы полушубка расстегнуты, медальон, который я носила на шее, лежит поверх полушубка, а щеки, лоб и нос — мокрые от снега. Я торопливо провела ладонью по лицу и, зажав медальон в руке, не отказала себе в удовольствии оставить последнее слово за собой:

— Надеюсь, слово вы держите лучше, чем извиняетесь.

— Уж будьте уверены, воробушек.

— Вы опять? Извольте выполнять обещанное! — на этом я, наконец, удалилась.

Я сделала пару шагов, как вдруг на мои пальцы, до сих пор сжимающие медальон, капнула кровь. Я приложила ладонь к носу: так и есть, небольшое кровотечение, следствие волнения. Со мной давно уже такого не случалось, хотя после гибели родителей бывало частенько. Хорошо, что никто не заметил. Как могла, на ходу привела себя в порядок. О возвращении на гору речи не было. Меня до сих пор трясло от возмущения. Я решила пройтись по ярмарочным рядам, побаловать себя горячим угощением, а затем купить подарок Лиззи. Уже гораздо позже, дома, когда я рассказывала сестре о случившемся, и она, смеясь, спросила: «Он хоть был хорош собой?», поняла: да, хорош. Если бы не это, возможно, я злилась бы меньше.

Вот так произошла наша первая встреча.

А сейчас я сидела на яблоне, гадая, что лучше: спрятаться за книжкой в надежде, что меня не узнают, или сделать вид, что это я его не узнаю. Ну вот не помню. Забыла, и все тут. Эверт Диксон, надо же.

— Мист Степлтон, мы с сестрой приносим свои извинения за то, что воспользовались вашим садом без разрешения, но дело в том, что нам совершенно негде уединиться, — Лиз потупила взгляд, одновременно подавая мне знаки: не спи, вступай в беседу. Но я снова раскрыла книжку и трусливо уткнулась в нее носом.

— Видите ли, Эмма у нас такая трепетная романтическая натура, а у вас такой красивый сад, — в отместку за этот саботаж пропела так называемая сестра. Пришлось снова захлопнуть книгу и, наконец, взглянуть на молодых людей, пока Лиз не выставила меня еще большей дурочкой. Не очень глубоко уважаемый мною мист Диксон почти не изменился с зимы, только волосы его сейчас были аккуратно уложены, и вместо зимней форменной шинели на нем красовался коричневый дорожный костюм. Означенный выше субъект, в свою очередь, разглядывал меня, видимо, силясь вспомнить, где он меня видел. Я презрительно хмыкнула. Субъект просиял:

— О, вот теперь я вас узнал. Счастлив снова вас видеть, воробушек, в более привычной вам среде обитания, — он обвел рукой крону яблони, на которой мы сидели.

— Не могу ответить вам тем же, — как можно сдержаннее постаралась произнести я и поспешила объяснить ситуацию мистру Степлтону. — Нам уже приходилось встречаться с мистром Диксоном, и мы оба не в восторге от этой встречи.

Последний хотел было возразить, но почему-то передумал.

— Лиззи, кажется, нам пора возвращаться в школу, — обратилась я к сестре, которая с интересом смотрела то на меня, то на мужчин.

— Да, да, Эмма, ты абсолютно права, мы и так чересчур злоупотребили вашим гостеприимством, — кивнула она магам. — Вы не поможете нам спуститься?

Самая милая улыбка была отправлена молодому хозяину поместья.

— О, конечно, — с легким поклоном с готовностью он снял с ветки Лиз, бережно придерживая ее за талию.

Диксон же, демона ему под одеяло, только вопросительно посмотрел на меня.

— Я справлюсь сама, — поспешно сообщила я ему.

— Ничуть в вас не сомневался, — улыбнулся он.

Получилось почему-то обидно. Тем не менее я быстро убрала книгу в карман платья и полезла вниз. Оставалось всего ничего — повиснув на ветке, нащупать ногой хорошо знакомый сучок, спрыгнуть, и вуаля, я внизу. Но именно этот миг выбрал демонов сучок, чтобы окончить свое существование. Легкий хруст, и я лечу прямо на одного самодовольного типа. Тот, надо признать, очень ловко меня подхватил и поставил на землю.

— Снова и пяти минут не прошло с момента встречи, а вы в моих объятиях. Вы слишком падки на меня, воробушек.

— Не смейте называть меня так! — я отпрянула, уши и щеки мои пылали от злости и смущения.

— Не пугайте девушку, Эверт, она не привыкла к вашим шуточкам, — улыбаясь, произнес Степлтон. — Мисси Эмма, не принимайте близко к сердцу, Диксон отличный малый, но порой излишне насмешлив.

— Вы не проводите нас? — это Лиззи снова изображает белокурую фею, чтобы сгладить неловкость.

— Как можно отказать таким прелестным мисси?

— Вы надолго в наши края? И, если не секрет, каков ваш дар? — Лиззи фонтанировала вопросами, как Источник — силой. И мы очень быстро узнали, что мист Степлтон сейчас в имени лишь проездом — они с другом решили совершить конную прогулку и заодно осмотреть наследство. Что заняться им вплотную он сможет, лишь когда окончит Академию, а произойдет это в следующем году. Что он маг жизни. Нет, не целитель. Специализируется на не столь интересной отрасли, а на возвращении растений. Тут глаза Лиз алчно сверкнули, и она вцепилась в Степлтона со всей своей деловой хваткой: па держит завод по производству продуктов питания, а также у него есть поля и теплицы. Все это сестра втолковывала своему собеседнику, пересыпая рассказ вопросами. Мы с Диксоном шли молча. Через минуту-другую он решил прервать молчание.

— А ваш отец чем занимается?

— Мои родители погибли. Давно. Я живу у дяди с тетей.

— Значит, у нас с вами больше общего, чем вы думаете, — после некоторого молчания отметил этот по-прежнему неприятный тип.

Я промолчала. Что тут скажешь? Ни один ответ не будет к месту.

— Эмма, представляешь, мист Диксон — менталист! — воскликнула Лиз.

Я недоверчиво покосилась на мужчину, шагающего рядом со мной. Было чему удивиться. Во-первых, ось дара «разум — чувства» была самой редкой среди всех магических осей. И хорошие менталисты ценились на вес золота. Естественно, никто из них не мог избежать государственной службы. Нередко в особых подразделениях. Во-вторых, образ Эверта Диксона настолько не вязался с моими представлениями о менталистах, холодных, контролирующих каждый свой шаг и слово, все просчитывающих заранее, что поверить в услышанное было трудно.

— Менталист? Вы?

— Не похож?

Я покачала головой. И тут же насторожилась.

— А вы не...

— Я не читал ваши мысли. И не смотрите на меня с таким укором. Во-первых, это не совсем законно, во-вторых, ваши мысли и так написаны у вас на лице, а в-третьих, если бы я это сделал, вы бы ощутили вот это, — он внимательно посмотрел мне в глаза.

У меня защеколало в голове. Изнутри. Очень странное ощущение — забавное и незаметное, если не был к нему готов.

— Запомнили? Если почувствуете это рядом с кем-то, можете сразу устраивать скандал. И да, спасибо, мне тоже нравится цвет моих глаз!

— Вы невозможный, — признала я неожиданно для себя самой.

Диксон, улыбнувшись, развел руками.

— Вы будете служить? — решила я сменить тему.

— Придется, это мой долг. Но я точно знаю, чем займусь, когда отдам его: буду целыми днями бродить по городу и читать мысли юных мисси.

— Вы опять подшучиваете надо мной.

— Лучше уж шутить, чем плакать, не так ли? — произнес мой собеседник, не глядя в мою сторону.

Молодые маги проводили нас до ворот, и распрощались мы вполне по-дружески. Мист Степлтон разрешил приходить в яблоневый сад, когда нам будет угодно, даже обещал повесить там качели. Всю дорогу до школы Лиззи восторгалась тем, что завела такое полезное знакомство.

После обеда я, вспомнив об отложенной книге, снова открыла ее на том месте, где остановилась: «Она попробовала призвать силу ветра, но магия в этом проклятом месте не действовала. Мелисса уже готовилась дорого продать свою жизнь, как вдруг прислужник упал, пронзенный стрелой, и девушка увидела его...»

Кажется, Лиз была права: все эти истории — сущие глупости.

Мне снова снится яркий сон. Я на опушке леса, где мы иногда играем с друзьями. Но сегодня мне не везет: я оказываюсь в компании враждебно настроенных свер-

Елена Добрынина

стников. Они что-то кричат мне: судя по злым лицам, это что-то малоприятное. Слышу я плохо, урывками, словно плаваю под водой и только иногда выныриваю на поверхность.

Они обступают меня кольцом и насмеваются, бросают в лицо какие-то обвинения. Я могу разобрать только «пустышка» и еще, кажется, «ублюдок». Они сбивают меня с ног воздушными вихрями, бросаются огненными шарами, прожигая дыры в одежде и опалая волосы. Я не выдерживаю и кидаюсь на одного из них, успеваю приложить его кулаком так, что костяшки пальцев обжигает боль. Уже готовлюсь к новому раунду неравного боя, но вдруг мои противники неожиданно отступают.

Я замечаю на опушке друзей и бегу к ним со всех ног. Картинки мелькают, как в калейдоскопе. Вот двое наших готовятся вступить в драку: над рукой одного из них небольшой водяной смерч, другой прижал ладонь и колено к земле. Третий вышел вперед и что-то кричит моим врагам: «Если еще раз попробуете, за себя не ручаюсь», — потом застывает на мгновение, и недоброжелатели в панике бегут. А я повисаю на руке четвертого — темноволосого мрачного юноши, который сосредоточенно смотрит вслед убегающим. Он сжимает в кулаке камень. «Не надо, пожалуйста!» — шепчу я. Он разжимает ладонь, и на землю осыпается серый пепел.

ГЛАВА 3

чем омрачено начало лета у старших школьников? Конечно, экзаменами. Слава Источнику, большинство из них мы уже сдали, остался последний рывок, но какой! История родного государства у мэтрисс Шульц.

Сейчас все ученицы с унылым видом зубрили историю: списать у мэтрисс Шульц просто невозможно. И я, сидя на кровати, в который уже раз перечитывала один и тот же скучнейший параграф о смене режима правления, который произошел чуть больше ста лет тому назад.

В конце второго тысячелетия от возникновения Источника в Бретонском королевстве сложилась нестабильная ситуация: технический прогресс сконцентрировал капитал в руках буржуазии. Сила Магического Источника продолжала уменьшаться, и людей с магическим даром рождалось все меньше. Даже в знатных семьях, известных своей родовой магией, нередко появлялись на свет дети без дара. Все это привело к тому, что монархия, издревле опирающаяся

на поддержку отмеченных силой Источника аристократических родов, оказалась в шатком положении. Его величеству Вениамину Четвертому пришлось ограничить свою власть, передав часть своих полномочий Парламенту, в состав которого в равных долях входили представители магического и немагического сообщества. В последующие десятилетия ситуацию усугубили внешние обстоятельства. Значительное политическое, экономическое и культурное влияние на Бретонское королевство оказали соседние страны. Это Риона, в которой незадолго до указанных событий произошла революция, а также республики Неймария и Карилия. Ситуация достигла пика, когда на престол возшел Ригард Второй. Не имея прямых наследников и понимая, что страна на пороге гражданской войны, он заключил беспрецедентное соглашение с Парламентом. Он заявил о готовности провести ряд кардинальных реформ: упразднение сословий, расширение полномочий служб Магконтроля (отныне магически одаренные лица должны были вставать на учет), запрет на применение в общественных местах магии выше четвертого уровня без специального разрешения). Период правления Ригарда Второго ознаменовался плавным переходом от монархии к республике. После кончины монарха политическое устройство было официально изменено, и Бретонское королевство стало называться республикой Бретонией.

Читая все это раз, наверное, в шестой, я поняла, что этот параграф учебника застрял в голове словесной жвачкой: мысли разбегались куда угодно, только

бы подальше от исторических премудростей. Поэтому я очень обрадовалась, когда в комнату вошла Лиззи, держа в руках вскрытый конверт из плотной белой бумаги.

— Мама прислала письмо! — радостно сообщила она, плюхнувшись ко мне на кровать, и мы принялись читать.

Ма писала, что мэтрисс Шульц разговаривала с ней по лонгофону, па настоял, чтобы у нас в доме было это новомодное изобретение, и сообщила, что у меня открылся дар непонятого пока свойства. Ма была бесконечно удивлена, но в письме было столько слов поддержки для меня, что на сердце стало тепло и радостно. Еще ма сообщала, что сразу после экзамена (уже завтра!) придет Харриса, чтобы он доставил нас в Эрквуд.

Настроение сразу поднялось. Учебники были временно отложены, и мы с Лиз кинулись собирать вещи.

Харрис прибыл после обеда, когда мы с Лиз уже изнывали от нетерпения. Мы выбежали навстречу и бросились в надежные и такие знакомые с детства объятия. Старый добрый Харрис в вечном клетчатом пиджаке, пропахшем табаком и сладковатым одеколоном, с ласковой улыбкой, спрятанной в пышных усах. Он так прочно ассоциировался с домом, что казался его добрым духом.

— Ну, стрекозки, вы уже готовы? Вижу-вижу, что готовы. Уж как родители-то вас заждались. Собирайтесь, я только к директрисе вашей зайду, и поедем.

Мы не заставили себя упрашивать, и уже через четверть часа наш магикар отправился в путь.

Болтая, мы с Лиз не отказывали себе в удовольствии глазеть в окна. Старинные дома с колоннами и лепниной сменялись совсем новыми, с большими необычными круглыми окнами и причудливой росписью. Одни были огромные, словно замки, другие совсем маленькие, но абсолютно все утопали в свежей зелени садов и клумб. Широкие поля пшеницы, холмистые луга для выпаса скота, множество теплиц; все это — южная часть Бретонии, где мы с Лиззи родились и выросли. Изредка нам встречались магикары, чуть чаще — конные экипажи. Пару раз до нас долетел приветственный гудок паровика, а недалеко от Брэдфорда мы увидели, как в небе пролетел цеппелин из Лиденбурга — нашей столицы. Конечно, мы, к неудовольствию Харриса, высунулись из окон, чтобы помахать цеппелину вслед рукой. Радуюсь всему и подпрыгивая от нетерпения, мы, наконец, достигли родного Эрквуда.

Как только ворота открылись, в доме началась суматоха: забежали пострелята, помогающие в доме и саду, застучали каблучки в холле, и на площадку перед домом выбежала ма — все такая же красивая, в темно-синем платье по новой моде, без единой пуговички. Ее волосы волнами ложились чуть ниже плеч. Как всегда при взгляде на нее меня охватил вихрь чувств: радость от долгожданной встречи, восхищение ее красотой и душевным теплом, которое она излучала, а еще грустная нежность — она была очень похожа на мою маму.

— Джим, спускайся скорее, девочки приехали! — крикнула она, глядя вверх. Значит, па работал в своем кабинете на втором этаже.

— Ах, ну дайте же скорее вас обнять. Как вы доехали? Харрис, вы поможете поднять наверх их вещи? — Когда на крыльце показался па, мы обе уже были затисканы, зацелованы, рассмотрены со всех сторон, выслушали охи и ахи по поводу того, как мы выросли и похорошели.

— И кто же это к нам пожаловал? — не успел па это сказать, как Лиззи с радостным воплем бросилась к нему, чуть не сбив с ног. Но па был крепок, статен и точно готов к такому повороту событий. Пока Лиззи висела на его мощной шее, он одной рукой прижал ее к себе, а второй сделал приглашающий знак, и я присоединилась к объятиям.

За столом, когда волна радостного возбуждения от встречи схлынула, речь, конечно, зашла о моем, прости Источник, даре.

— Это очень неожиданно, — начала ма, аккуратно подбирая слова. — Я абсолютно точно знаю, что в нашей семье не было магов. Ни у меня, ни у Дженны даже искорки дара не нашли. Что до Эдварда, то он, кажется, упоминал, что когда-то были у них в роду маги, но так давно, что только предания об этом сохранились. Но, милая, не переживай: даже если выяснится, что твой дар растет, мы выберем самую лучшую... специальную школу для тебя, все будет хорошо, правда, дорогой?

— Давайте не будем торопить события, — рассудительно продолжил па. — Кто знает, может, твой дар, Эмма, еще сыграет нам на руку: а ну как окажется, что ты — маг жизни, способный ухаживать за растениями или насыщать еду полезными веществами! Хорошее будет нам подспорье! —

Надо отметить, мыслил па в том же ключе, что и его дочь. — Мы еще найдем время поговорить об этом.

Чуть позже, когда мы разошлись по своим комнатам, чтобы переодеться и отдохнуть с дороги, я подошла к письменному столу, достала из ящика плотный конверт с фотографическими карточками. И долго сидела в кресле, перебирая их. С карточек на меня смотрели красивая стройная молодая женщина с тяжелыми темными волосами, уложенными в высокую прическу, статный худощавый брюнет, с нежностью держащий ее за руку, и девочка, сидящая между ними. На обратной стороне карточек значилось: «Эдвард и Дженна Дженкинс и их дочь Эмма».

— Я так по вам скучаю, — прошептала я.

Мои родители погибли, когда мне было восемь. Они возвращались из Лиденбурга, куда ездили по папиным делам, на цеппелине. При посадке что-то пошло не так, и прогремел взрыв. Никто не спасся. Я в это время гостила у дяди Джима и тети Мэгги в Эрквуде. Мы с Лиззи, подключив местную детвору, как раз репетировали какую-то героическую пьесу, когда нам сообщили обо всем. Я помню свое недоумение, когда рыдающая тетя прижимала меня к себе и все повторяла «бедное дитя», помню жалостливые взгляды всех знакомых — и детей, и взрослых. Помню похороны, поминки. Нигде я не проронила ни слезинки. Но каждый седьмой день недели, день, когда прилетает из столицы цепеллин, я выбегала из ворот и ждала, ждала до самого вечера, и никакая сила не могла заставить меня уйти. Так продолжалось несколько месяцев,

пока однажды я не поняла: они не придут. И тогда пришла боль.

Я не люблю вспоминать, что было потом. Только нежность и любовь тети и дяди да поддержка Лиз помогли мне справиться с горем. Никогда, ни на одно мгновение, несмотря на гибель родителей, я не чувствовала себя сиротой. И позже, когда время притупило боль утраты, сама стала называть родителей Лиз не дядей и тетей, а па и ма.

Вернув конверт с карточками на место, я едва успела сменить дорожное платье на домашнее, как раздался стук в дверь и на пороге появилась сестра.

— Пойдем вниз, мама к нашему приезду торт испекла, твой любимый, клубничный, по рецепту тети Дженны, — сказала она, взяв меня за руку, — а еще у нее розы расцвели, какой-то новый рионский сорт, магически обработанный, ужасно дорогой, пойдем, посмотрим.

Она легонько сжала мою руку, подбадривая.

— Целое лето впереди, как здорово! — и каблучки Лиз застучали по ступенькам. Я улыбнулась и пошла следом.

Вечером, когда мы пили чай в малой гостиной, па поинтересовался:

— Ну, девицы-красавицы, каковы ваши планы на лето? — в том, что они есть, он ни капли не сомневался и правильно делал — сам же нас воспитывал.

— Ой, папа, сейчас расскажем, — начала, как обычно, Лиз, переглянувшись со мной. Это мы обсудили до мелочей. — Мы будем тебе помогать.

— Вот как? — ухмыльнулся в усы па. — Зачем же вам это?